

23.08.24

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СБЛИЖЕНИЯ РОССИИ, ИРАНА И КНР

Фото: РИА

На протяжении последних лет мы наблюдаем нарастающее сближение России и Ирана в самых разных областях – политической, геостратегической, военной, экономической, торговой и транспортной. Оно отмечается не только на уровне риторики, но и выражается в конкретных шагах. Однако мы видим, что череда визитов российских делегаций в Тегеран на данный момент даёт ограниченный результат. С чем это может быть связано? Как можно объяснить всё ещё существующую отстранённость?

Взаимная отстранённость иногда является более существенным препятствием к развитию отношений, чем наличие противоречий и глубокого конфликта. Для иллюстрации возьмём пример развития российско-китайских отношений в последние три десятилетия. Нынешний этап отношений между Россией и Китаем является по существу беспрецедентным – так на него смотрят лидеры двух стран, вовлечённые в развитие этих отношений действующие лица, предпринимательское сообщество и оппоненты России и Китая. Напомню, что эти отношения развивались из кризисного состояния: между странами была не простая отстранённость, а открытая враждебность, которая вылилась в вооружённый конфликт. Тем не менее с конца 1980-х годов Пекин и Москва приняли решение провести ревизию взаимных отношений и искать способы для их вывода на новый уровень. Это привело к серии переговоров, которые позволили сформулировать основополагающие принципы

взаимодействия и выработать совместное российско-китайское понимание характера развития всей международной системы. Перечень этих принципов был зафиксирован в **Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка 1997 года**. Важным положением этого документа был консенсус вокруг основополагающих принципов, который заключался в том, что страны признавали суверенитет друг друга, обязывались не вмешиваться во внутренние дела, уважать взаимные интересы. Для середины 1990-х годов это положение было прорывным, поскольку тогда доминировали совсем иные идеи. В частности, акцент был сделан на том, что различия социальных и политических систем не являются препятствием для развития полноценных отношений. На этот каркас страны нанизывали два важных политических процесса: **во-первых**, переговоры по урегулированию территориальных претензий; **во-вторых**, предоставление двусторонних гарантий безопасности буферным государствам – странам, которые находятся между Россией и Китаем. Сейчас мы наблюдаем это в российско-китайском взаимодействии в отношении Монголии и стран Центральной Азии.

Никакой из электоральных циклов этих стран, никакой из резких поворотов их внутриполитической жизни не превращал их в арену столкновения китайских и российских интересов – в отличие от того, как это происходит в Восточной Европе.

Отстранённость в российско-иранских отношениях имеет иную природу, чем изначальная враждебность между Россией и Китаем, которая в итоге была преодолена. Мы понимаем, что это не отношения безусловного доверия: у Китая есть собственные интересы в разных точках мира, в том числе и в украинском кризисе, и в отношении происходящих на Ближнем Востоке событий. Так, Пекин заинтересован в свободе судоходства по Красному морю и критически смотрит на атаки на торговые суда в этом регионе. Здесь отсутствует абсолютное единство интереса, но тем не менее наблюдается высокий уровень корреляции. Российско-китайское сближение также наложилось на формирование внутри Китая новой экономической модели, которая была ориентирована на глобальный рынок, превращение Китая в мощный индустриальный центр, где были локализованы производственные мощности крупных, главным образом западных, но и некоторых восточных держав. Это сделало Китай включённым в глобальную экономику и способствовало его становлению как важного торгового, финансового институционального партнёра для Соединённых Штатов. Нынешняя китайская дилемма состоит в том, что стратегические курсы США и Китая находятся в полной противоположности и происходящие события неизбежно делают их оппонентами вне зависимости от их намерений. Они объективно являются структурными соперниками друг друга.

Это обстоятельство является общим для Китая, Ирана и России, так как структурные условия делают нас близкими в части оценки международной среды. Парадокс ситуации заключается в том, что Россия, Иран и Китай – самостоятельные государства, которые способны в высокой степени действовать автономно, опираясь на свои силы, не испытывая необходимости добиваться сокрушительного поражения своих оппонентов. С этой точки зрения уникален опыт Ирана, находящегося несколько десятилетий под давлением санкций. Самостоятельная, самобытная эффективная система государственного управления, экономики, медицины и образования, значительные технологические достижения, самостоятельная

космическая программа – впечатляющие достижения, которых добился Тегеран, не опираясь на какую-либо внешнюю помощь.

Что объединяет Россию, Иран и КНР? У нас нет необходимости добиваться полного поражения наших оппонентов, в отличие от стран Запада, которые поставили себя в противоположную перспективу. Почему так опасен объективный процесс формирования полицентричности для Соединённых Штатов? Потому что это – плавный процесс приведения номинального ВВП государств мира в соответствие с равновесием финансово-экономической мощи в мире: американский фондовый рынок на 187 процентов больше, чем собственный ВВП США, а фондовые рынки других государств составляют порядка 40–50 процентов от их ВВП. То есть при приведении в равновесие ситуация будет означать огромное перераспределение финансово-экономической мощи в сторону от США и государств Запада. Это происходит вне зависимости от того, протекает ли военный кризис или нет: глобальная экономика адаптируется и перетекание неизбежно.

Важным обстоятельством, которое всё ещё сильно подкрепляет ресурсы и единство Запада, является то, что западное сообщество, отцентрированное вокруг Соединённых Штатов, опирается на единую нормативную рамку, генезис которой находится в христианском протестантизме, и деловую этику, которую он породил. Данная этика была универсально заимствована большинством крупных государств Запада и сейчас воспринимается как единый способ действия внутри этого большого сообщества. Такого единого способа действия в сообществе БРИКС, государств не-Запада, в отношениях России, Ирана и Китая на данный момент нет. Я полагаю, что важной задачей на текущем этапе было бы инициирование дискуссии о том, что может стать этой единой нормативной рамкой и возможна ли она.

В ходе своих визитов в Тегеран я сталкивался с повторяемой концепцией о том, что экономика всегда должна уступать место суверенитету и человеческому достоинству. Эксперты, наблюдая за вереницами российских делегаций, направляющихся в Тегеран, отмечают, что такое взаимодействие не будет иметь большого эффекта. Процесс общения с иранскими собеседниками не должен быть целенаправленным: он должен формировать атмосферу доверия, взаимного уважения и признания достоинства партнёра, прежде чем станет возможно обсуждение вопросов достижения общей цели. И в этом смысле, наша практика взаимодействия и деловые культуры различаются. Необходимо создать площадки, на которых формировались бы условия для взаимного познания, и только после знакомства с опытом цивилизаций друг друга, признания его уникального характера переходить к обсуждению тем, которые могли бы носить целенаправленный характер, например строительства АЭС, реализации транспортного проекта «Север – Юг», углубления военно-технического сотрудничества, формирования финансовой системы, не подверженной санкциям, вопросов вокруг Каспийского моря и так далее.

Этот подход может показаться парадоксальным, более инновационным, чем тот способ, который является нормативным в странах Запада. Формирование доверия там, по сути, – это доверие к финансовой гарантии кредита или сделки, поскольку это является основой взаимодействия в протестантской этике; материальные основы внутри западной системы очень существенны. В чём может состоять нематериальная основа доверия в отношениях между Россией и Ираном? Очень тонкий и глубокий вопрос, затрагивающий отношения между державами, у которых есть свой

собственный цивилизационный путь. Я допускаю, что ответ на него позволит быстрее шагнуть к новому качеству российско-иранских отношений и характеру международной системы, которую мы стремимся сделать полицентричной.

Впервые опубликовано Международным дискуссионным клубом "Валдай": Сушенцов А.А. Фундаментальные основы сближения России, Ирана и КНР. *Международный дискуссионный клуб "Валдай"*. 23.08.2024.

<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/fundamentalnye-osnovy-sblizheniya-rossii-irana-i-knr/>

Источник: **Фундаментальные основы сближения России, Ирана и КНР**

ОБ АВТОРЕ

Андрей Сушенцов

Директор

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Института международных исследований МГИМО МИД России и Консалтингового агентства МГИМО «Евразийские стратегии». Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

